

Сущность философского мышления состоит в синтезе, но синтезе не межпредметном, а трансцендентном. Уяснение этого вопроса позволяет понять не только

своеобразие метафизического мышления, но и выявить более общую проблему – что такое философия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М.: Республика, 1994.
2. Трёльч Э. Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1994.
3. Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М.: Юрист, 1995.
4. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М.: Политиздат, 1973.
5. Философская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1970. Т. 5.
6. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993.
7. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994.
8. Дильтей В. Сущность философии. М.: Интрада, 2001.
9. Вундт В. Психология народов. М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002.
10. Челпанов Г. Введение в философию. 7-е изд. Москва, Петроград, Харьков: Изд. Т-ва «В.В. Думнов, – наследн. Бр. Салаевых», 1918.
11. Аристотель. Метафизика // Сочинения. В 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1.
12. Кант И. Критика чистого разума. СПб., 1902.
13. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990.
14. Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Политиздат, 1975.
15. Гегель Г.В. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974.
16. Маркузе Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории. СПб.: Владимир Даль, 2000.
17. Фихте И.Г. Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о сущности новейшей философии // Фихте И.Г. Сочинения. В 2 т. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 1.
18. Фихте И.Г. Наукоучение в его общих чертах // Там же. Т. 2.
19. Фихте И.Г. Первое введение в наукоучение // Там же. Т. 1.
20. Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003.
21. Яковенко Б.В. Мошь философии. СПб.: Наука, 2000.
22. Дьюи Д. Реконструкция в философии: Проблемы человека. М.: Республика, 2003.
23. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1996.
24. Ортега-и-Гассет А. Что такое философия? М.: Наука, 1991.
25. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995.
26. Богданов А.А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. М.: Республика, 2003.
27. Киссирер Э. Избранное: Опыт наук о человеке. М.: Гардарики, 1998.

Статья поступила в научную редакцию «Философия» 21 февраля 2004 г.

УДК 800/86/.87.801

Г.В. Калиткина

ДИАЛЕКТНЫЙ ЯЗЫК КАК КОД ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ и государственной поддержке ведущих научных школ (НШ-1736.2003.6) и гранта Российского гуманитарного научного фонда (03-04-00427 а/Г)

Язык манифестирует духовную и социальную культуру общества. Диалектные словари – один из источников интерпретационных схем культурной традиции

Любой национальный язык, в том числе и русский, представляет собой архисистему, объединяющую дифференциальные формы его существования, которые в современной литературе обозначаются как функциональные подсистемы, подязыки, страты, варианты, экзистенциальные формы и т.д. К числу основных функциональных подсистем русского языка до сих пор относятся русские диалекты (говоры), т.е. средство общения территориально¹ ограниченных коллективов.

В России впервые обратили внимание на диалектную лексику еще в 30-е гг. XVIII в.: участники Северной экспедиции начали сбор номенклатуры местных промыслов, а также названий местных реалий, предметов обихода и т.п., а в 1756 г. данные диалектизмы частично были представлены в двухтомном труде С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Традиция была продолжена П.С. Палласом, материалы многих научных экспедиций публиковались в виде путевых записок и статей в журналах – как научных, так и имевших более широкое распространение.

Частично диалектная лексика вошла в «Словарь Академии Российской» (1789–1794). Собственно диалектология зародилась как продолжение диалектной лексикографии XIX в., к ее вершинам, бесспорно, относятся «Опыт областного великорусского словаря» (1852), в создании которого принимали участие А.Х. Востоков и

И.И. Срезневский, и «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (1864–1866), во второе издание которого (1880 г.) в качестве предисловия были включены два доклада автора и его статья «О наречиях русского языка» (1852), систематизирующая наблюдения над диалектными различиями. На рубеже XIX–XX вв. А.Н. Соболевский ввел курс диалектологии в университетскую программу, а А.А. Шахматов принял участие в организации Московской диалектологической комиссии, чья работа в 1903–1932 гг. во многом определила судьбу отечественной науки. Под влиянием этой комиссии сформировалась московская диалектологическая школа, во главе которой стоял Р.И. Аванесов, руководивший работой соответствующего сектора АН СССР в 1939–1980 гг. На вторую половину XX в. приходится и становление томской диалектологической школы, связанной прежде всего с именами В.В. Палагиной и О.И. Блиновой [1]. Томская школа исследует диалектный массив Среднего Приобья, возникший в своеобразной этнокультурной среде русских старожилов Сибири [2].

Сам термин «диалектный язык» в отечественную науку ввел Р.И. Аванесов: «Диалектный язык – понятие, противоположное литературному языку ... он в принципе является бесписьменным, то есть, как правило, обладает только устной формой; он по преимуществу

служит для обиходно-бытового общения – в крестьянской семье, среди односельчан, в текущей производственной деятельности» [3. С. 10]. Именно русские диалекты русского языка преимущественно и функционировали в России, основное население которой еще в первой трети XX в. оставалось сельским (по данным переписи 1926 г., только 18 % жителей РСФСР были горожанами [4]). К 1980-м гг. отечественная диалектология, разделявшая убеждение В.И. Даля в том, что «наши местные говоры – законные дети русского языка» [5. С. XVIII], уже достигла сравнительной полноты: описано диалектное членение современного русского языка, создана типология как противопоставленных, так и непротивопоставленных диалектных различий, описаны многие говоры как частные разновидности диалектного языка, исследовано социально и функционально обусловленное варьирование говора, продолжается лингвогеографическое картографирование, отражающее территориальную структуру диалектного языка.

В этой же парадигме шло изучение русских говоров Сибири. По мнению П.Я. Черных [6], начало данной работы следует датировать 1812 г. в связи с появлением в «Казанских известиях» статьи Ненашевского, которая называлась «Нечто о простонародных сибирских словах». К середине XIX в. накопилось много разрозненных наблюдений, и их впервые сумел обобщить, введя и сам термин «сибирское наречие», В.И. Даль. Как особенность сибирских говоров он, в частности, отметил их архаические черты: «Чем дальше в глушь, в Сибирь, чем далее от больших дорог, тем старобытнее язык и, вероятно, таков, каким был за 200 лет. Вот для образчика несколько местных слов²: *погодье* (непастье), *обутки* (башмаки), *братан*, *сродный* (двоюродный брат), *сестренница*, *сродняя* (двоюродная сестра), *селеток* (теленка, жеребенок нынешнего приплода), *третьяк* (теленка, жеребенок по третьему году), *живец* (родник), *перенова* (пороша), *гнул* (насекомое), *забой* (сугроб), *подволока* (подбой под лыжами), *приплекски* (уступы по берегу, от воды), *строганина* (мерзлая строганая рыба), *молосный* (скромный), *прохожий* (беглый)» [5. С. XLVIII].

Осознание того, что русские старожилы Сибири особая этническая группа, сформировалась в России уже к рубежу XIX–XX вв. В качестве примера стоит привести мнение, высказанное в 1913 г. известным этнографом А.А. Макаренко³. Данное убеждение разделяли не только этнографы: А.М. Селищев в 1921 г. цитирует некоего Г.И. Маляревского, который, описывая говор Тобольской губернии, отмечал: «Первая особенность сибирского говора... монотонность и невыразительность. Сибиряк говорит без повышений и понижений голоса, без оттенков, как капусту рубит... Эта особенность, вероятно, стоит в связи с сухим и рассудочным характером старожила, не склонного к излишнему чувству» (цит. по: [8. С. 2]). А.М. Селищев понимал, насколько «скудны сведения о языке русского населения Сибири», именно он обосновал актуальность сибирской диалектологии: «Между тем, изучение говоров Сибири представляет глубокий интерес. Не говоря уже об общем научном значении этого изучения, отметим следующие стороны диалектологии Сибири:

1) Русские говоры Сибири, оторвавшись от ближайших говоров Европейской России, начали свою жизнь с тем запасом звуков, форм и лексики, какой был свойственен говорам их метрополии в XVI, в XVII веках. Сравнительное изучение говоров Сибири и европейской части России прольет свет на состояние тех или иных русских диалектов в XVI и в XVII столетиях. С другой стороны, такое изучение укажет, какие языковые процессы были пережиты русскими переселенцами в Сибири в течение последних 300–200 лет. [...]

3) Русские выходцы из разных местностей России, поселившись в Сибири, оказывали влияние одни на других. Ассимиляция происходила и в отношении языка. Влияние шло преимущественно со стороны посетителей северно-великорусских говоров. От средневеликорусов и от языка ...“общерусского”... усвоено в некоторых местах аканье и иканье.

4) Русские поселенцы в Сибири и сибирские инородцы приходили в различные взаимоотношения. Следы этих взаимоотношений отражаются также в языке» [8. С. 5–6].

Кроме того, в этот период стало ясно, что среди сибирских говоров следует различать, во-первых, говоры давнего, старожилого населения Сибири, потомства сибирских землепроходцев и ее первых засельщиков и, во-вторых, говоры новоселов – позднейших, с середины XIX в., переселенцев из Европейской России.

«Диалектологический очерк Сибири» А.М. Селищева посвящен описанию прежде всего звукового состава, морфологии и выяснению судьбы языкового наследия, вынесенного предками сибиряков с северо-востока Европейской России.

Следующий шаг был сделан П.Я. Черных, чья книга «Сибирские говоры» издавалась, при постоянной переработке, в 1934, 1936 и 1953 гг. Стоит отметить, что на ней лежит яркий отпечаток эпохи. Автор критикует селищевский «Очерк», в частности, за то, что там «не заключается никакого материала для суждения об отражении в прошлом классовой и профессиональной дифференциации сибирского крестьянства в лексике и фразеологии сибирских говоров» [6. С. 36]. Сам П.Я. Черных включил в монографию раздел «“Язык деревни” как общественное явление». Понятен современный интерес к данной формулировке, однако автор подразумевал лишь следующее: «Местный говор может быть изучаем и как явление общественной жизни. Если говорить вообще, имея в виду не только местные говоры советской эпохи, можно допустить даже возможность отражения в говорах классовой дифференциации общества (например, в старой дореволюционной России), конечно, в известной мере и в известных рамках (словарный состав, фразеология). Однако таких специфических слов очень немного, а главное, “влияние”, о котором идет речь, не затрагивает самого существа языка – его основного словарного фонда и грамматического строя [...] В современной сибирской колхозной деревне, где кулачество как класс давно уже ликвидировано, а “бедных крестьян” не имеется, тем не менее не наблюдается полной однородности, “монолитности” говоров в каждом отдельном населенном пункте. Наблюдатели отмечают, что передовые, ведущие группы колхозного населения по языку отличаются в лексическом и

иных отношениях от других колхозников, особенно старших поколений. Их речь близка к речи сельской интеллигенции (учитель, врач, агроном, техник и т.д.) и, стало быть, к литературному языку» [6. С. 45–46]. Есть и раздел «Новые явления в говорах колхозной сибирской деревни», завершающийся следующим утверждением: «Для нас, работников в области народного просвещения и культуры, изучение процесса слияния местных говоров с общенародным русским литературным языком представляет не только теоретический интерес. Мы имеем полную возможность и должны принять самое активное участие в этом процессе... сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными» [6. С. 82]. Подобная позиция в конце 1940-х гг. была близка многим исследователям.

Однако к 60–70-м гг. XX в. стало ясно, что, несмотря на рост культуры (в первую очередь в смысле грамотности), крестьянские диалекты не исчезают и не умирают, но медленно трансформируются в особые новые формы, которые стали называть полудиалектами, региолектами. Одновременно диалектология, освободившись от грубой идеологизации сталинского периода, вернулась в старое русло, намеченное Корифеями.

Не случайно последний вузовский учебник, вышедший в свет в 1997 г., сообщает: «Предметом диалектологии являются территориальные разновидности языка... Любой диалект может быть изучен и описан имманентно, как язык социума, теми способами, которые выработала современная лингвистика. Но специфика диалектологии как особой научной дисциплины состоит в том, что речевой факт рассматривается как факт территориальной дифференциации общенародного языка в перспективе сопоставления с другими территориальными разновидностями языка и выявления различий на фоне того общего, что объединяет диалекты в один национальный язык. Диалектологическое изучение требует системного подхода, при котором любой факт языка анализируется в координатах частной диалектной системы с взаимосвязанными компонентами, и предполагает территориально-социальный аспект, когда этот факт получает интерпретацию уже в масштабе территориальной дифференциации национального языка» [9. С. 3–4]. Таким образом, несмотря на выдвинутый тезис о том, что диалект отражает культуру его носителей, традиционная диалектология, существующая в рамках системно-структурной и функциональной парадигмы, не уделяет этому особого внимания.

С началом 1990-х гг. связано становление в гуманитарном знании новой научной парадигмы и возникновение целого ряда лингвистических дисциплин, объект, цели и методы которых пока трудно разграничить. В первую очередь это лингвокультурология, лингвоэкология, этнолингвистика. Собственно говоря, вновь многие проблемы, актуальные для данного направления, были нащупаны в практике диалектного словаростроения. Так, еще в 1971 г. Ф.П. Сороколетов, анализируя тип толково-переводного словаря, утвердившийся в отечественной диалектной лексикографии, писал: «Надо заметить, что составители словаря (как и большинство читателей его) не владеют лексической системой диалекта, они вынуждены осваивать диалект “извне”, основываясь на материалах записей, которые, конечно, не фиксируют всего богатства диалектного словаря... Тол-

кование значений в этом случае неизбежно переходит от определения значений слова к раскрытию идей, понятий, к описанию предметов и явлений. Создается положение, при котором тесно переплетаются принципы толковых и энциклопедических словарей, в диалектном словаре это явление неизбежно» [10. С. 182–183]. Он же наметил классы слов, толкование которых необходимо предполагает приведение энциклопедических сведений: «Прежде всего, это слова, обозначающие предметы и явления, отсутствующие в общенародном пользовании, то есть относящиеся к специфическим чертам духовной и материальной культуры, социальному укладу, быту и т.п. Вся ремесленно-профессиональная терминология, включаемая в словарь, слова и термины, обозначающие понятия, связанные с особенностями быта, с обычаями, обрядами, поверьями, играми, то есть этнографизмы в широком смысле слова, должны быть обязательно определены энциклопедически, то есть путем раскрытия самих специфических реалий, идей и понятий. Такие объяснения необходимы для названий одежды, обуви, предметов утвари, сельскохозяйственных орудий, орудий рыбной ловли, названий частей двора и дома, особенно для тех, которые в настоящее время уже вышли из употребления. Названия кушаний и напитков также в большинстве своем нуждаются в энциклопедических толкованиях, при которых должны быть указаны различия в сорте, в составных компонентах, в способах приготовления, в назначении и т.д. – черты, которые в ряде случаев обуславливают то или иное наименование» [10. С. 183].

Здесь намеренно приведена столь обширная цитата: она подчеркивает, что «этнографизмы» и «культура» рассматриваются в 1970-е гг. преимущественно в материальном плане. И только в рамках антропоцентрического подхода стал возможен возврат на новом уровне к идее В.И. Даля о том, что словарь может научить читателей понимать жизнь народа. Великий лексикограф отметил, что «в бытовом (этнографическом) отношении местный словарь получает еще другое значение: он указывает на происхождение и сродство поколений» [5. С. XLIII], и эту функцию можно отнести не только к словарям, но и к собственно лексике.

Диалекту свойственны все базовые функции языка: коммуникативная, когнитивная и кумулятивная. Следовательно, считая язык неотъемлемым орудием культуры (и имея в виду при этом прежде всего литературный язык), мы должны признать, что и диалект является культурным кодом. Более того, поскольку диалект изначально древнее любого литературного языка, он формировался и развивался в рамках того типа культуры, который связан с земледелием и крестьянскими общинами. Данный тип культуры называют народной (в социально-демографическом плане), этнографической (в плане наибольшей концентрации соответствующей специфики), но чаще всего – традиционной культурой. Традиция выступает как орудие сохранения духовных оснований, инструмент, позволяющий воплощать эти основополагающие принципы во всех сферах общественной и частной жизни людей. Определяемый традицией образ жизни признается носителями данной культуры в качестве единственно верного и само собой разумеющегося. Понимаемая подобным образом тра-

диция транслировалась посредством включения каждого нового поколения в жизнь семьи.

Однако XX в., помимо глубочайших социальных изменений, был связан в России с такими объективными процессами, как урбанизация, усиление миграции, рост образования и резкое увеличение потока информации, все это привело к тому, что социальная база традиционной культуры стала быстро сужаться. Теперь традиция, лежащая в основании соответствующего типа культуры, транслируется вербально. Происходит это как посредством специфических текстов, составляющих часть устной культуры в понимании С.Е. Никитиной, так и посредством лексики. Причем не только на том поверхностном уровне, когда в лексике искали объективацию классового расслоения (см. приведенную выше цитату П.Я. Черных). Объективация традиции касается интерпретационных рамок, схем, алгоритмов.

Казалось бы, здесь возникает очевидное противоречие: диалектный язык, в отличие от национального литературного языка, в первую очередь обслуживает коммуникацию в рамках повседневности, иначе говоря, быта, профанного существования. Но в рамках традиционной культуры оппозиция профанного и сакрального тоже имеет место, как и в культуре элитарной. Скажем больше, традиционная культура немыслима вне этой оппозиции, и универсум действительности интерпретируется по-разному в зависимости от культурных установок: одни и те же явления, предметы, отношения могли выступать и в профанном, и в сакральном смысле [11, 12].

Сказанное может быть продемонстрировано на примере такого концепта, как время. Если рассмотреть диалектную объективацию времени, то выявленные модели имеют довольно серьезное отличие от тех, которые исследователи выстраивают по данным литературного языка и текстов, созданных на нем. Так, Е.С. Яковлева говорит о трех моделях времени в русской языковой картине мира: бытовой (минимальные единицы *секунда*, *минута*), надбытовой (*миг*, *мгновение*) и аналитической (*момент*), акцентирующих качественное значение времени. Ею делается вывод: «Показательно, что разговорная речь эксплицирует семантику быстроты и экспрессивности, апеллируя к количественному аспекту времени» [13. С. 139]. Однако пласт темпоральной лексики среднеобских старожильческих говоров заставляет думать, что в народной культуре функционируют бытовая и надбытовая модель времени и вряд ли есть следы аналитической модели. При этом, бесспорно, здесь существует очень яркая оппозиция сакрального и профанного времени [11]. Разумеется, многообразие интерпретаций в данном случае совершенно естественное следствие эмпирической ненаблюдаемости времени, следовательно, некоторый «разброс значений» зависит в том числе и от выбранной исследовательским интерпретационной схемы. Таким образом, если предположить изоморфизм уровней организации материи и уровней темпоральности, то следует вычленить физическое, биологическое, историческое и социальное время. Маргинальность оснований начинается проявляться при анализе лексического наполнения⁴, связанного с тем или иным уровнем.

Наименее противоречивая картина предстает, пожалуй, только при объективации времени физического.

Данный уровень соотносится с бытовой моделью времени в понимании Е.С. Яковлевой, но трактуется нами несколько шире. Так, кроме единиц счета времени [14], сюда относятся и наименования несчетных темпоральных континуумов и темпоральных вех, как, например: *рекостав* ‘период замерзания реки’ (“*Пошёл [брат] пешком, речкой, рекостав был. Хотел пить, зачерпнуть в полынью хотел. Бился. Уже рекостав. Кет стает, речка, уже снежок пошёл*” [IV]); *хлебозор* ‘зарница в пору созревания хлеба’ (“*Хлебозоры как играют, когда вызреват, то вот молнии-хлебозоры*” [II]); *сеножной* ‘мелкий затяжной дождь в сенокосную пору’ (“*Даже бывали года, когда суслоны прели. Пройдёт дощи, солнце выглядит. Маленько погода опять дощи. Его так и зовут сеножной. Сено-то гниёт. Вот потому и называли*” [IV]); *бабье лето* ‘непастное дождливое лето’ (“*Бабье лето – как баба плачет, когда с мужем плохо живёт. Так и лето*” [VIII]); *при (на) чьей-либо памяти* ‘при чьей-либо жизни’ (“*При моих памятях много занимались хлебопашеством*” [VII]); “*Вот эти четыре дома – и всё братья. А эти чужие, уж приехали на памяти*” [VII]); *при моей быльности* ‘в период жизни’ (“*При моей быльности ещё лампов не было*” [V]). Физическая темпоральность связана и с наименованиями процессов, характерных для определенных временных периодов: “*Есть такое [слово] “забуранило” или “забурцло” – это для зимы, а летом, хоть глаза выстегай, никто не скажет. “Бусить” – это летно, как туман: сылет, сылет, моросит, забусило значит*” [VIII]; “*Если ореховый год, она медлится больше. Бегучей год она [белка] с места на место передвигается*” [I].

К единицам физического времени следует отнести всевозможные корреляторы, которые являются модификацией основной темпоральной шкалы нашего сознания ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ и выступают и как континуумы: *поне* ‘в настоящее время, теперь’ (“*Поне крадучи и счас убивает кто [лосей]*” [VI]), и как темпоральные вехи: *от роду родов* ‘с самого детства’ (“*Он [отец] у нас курить сроду не курил, от роду родов*” [II]); *искони век* ‘издавна, с давних пор’ (“*Искони век деды жили и старики наши жили, занимались пашней*” [I]); *надысь* ‘недавно, несколько дней назад’ (“*Надысь пошла в контору спросить про трудодни*” [I]); *черти в кулачки не били* ‘на рассвете, очень рано’ (“*Ещё черти в кулачки не били, а уж идёшь снопы вязать*” [V]) и т.д. Физическое время объективируют и всевозможные параметризаторы длительности, протяженности каких-либо процессов и явлений: *длвный* ‘длительный’ (“*Через длвно время выяснилось, что он поджжг*” [I]); *номентально* ‘очень быстро, моментально’ (“*Я номентально продал (грибы), опять поехал с ей*” [VI]); *как с огня* ‘очень быстро, энергично’ (“*Осподи, они как с огня торопились на картошку без ума*” [VIII]); *живой рукой* ‘очень быстро’ (“*Быки – барахляная скотина, конём-то живой рукой доведешь, а с быком не то*” [VII]); *большая песня* ‘занятие, дело, требующее много времени’ (“*Один инструмент собирать, это всё большая песня*” [VI]); *без утиху* ‘беспрерывно, постоянно’ (“*Всё лето без утиху работают два павозки [паузка]*” [VII]); *от начала* ‘в первое время, сначала’ (“*От начала, как помнится, в*

жизни очень тяжело было" [VII]); редкий случай 'редко, иногда' ("У себя ночами работали. И стары все работали. Я всего четвертый год не держу поросёнка и коровы. [Сейчас] пол подмыть - и то редкий случай, а то было шестьдесят пять лет, я сено ставила" [VII]); в скором виде 'скоро, быстро' ("Это тёс дорожат, а так она в скором виде созреет. Если лесина целиком, хватает" [V]); с житеём 'на несколько дней, с ночевкой' ("Дед-то её с житеём уехал косить. За речку сейчас ездют" [V]); до порогу 'ненадолго, на очень короткое время' ("Правда говорят: гостинна сода до порогу. Уже ись хочу" [VII]).

Единицы биологического и исторического времени представлены в говорах намного уже. Как правило, это номинации различных стадий биологических объектов, а также исторических феноменов и связанных с ними предметов, свойств, отношений: годовик 'годовалое животное' ("Злынул, а на полтях годовик лежит" [I]); селеток 'жеребёнок первого года' ("Есть поще родится, его называют "селеток", а на другой год "лончаком" называется" [XVII]); молодяжник 'молодой скот' ("У нас много-много молодяжнику паросло" [VII]); костерька 'молодой осётр' ("У костерьки-то нос, как у свиньи, осётр потом из его" [I]); травянка 'молодая щука' ("Травянка" называли просто и всё. Она маленькая, она маленьких голянов ловит" [VII]); молодёж 'молодой лес' ("Молодёж парос. Красиво так. Сходите, девки" [VII]); перестой 'перестоявший срок рубки лес, загнивающий на корню' ("Заготовку вели [лесники]. Ну, перестой-то убрали, тоже требуется. Перестойны деревья, старые, а их насбирываются" [VII]); на свету 'в пору цветения' ("Счас дожди надо, вся картошка на свету" [VII]); краску принимать 'становиться золотисто-жёлтым при созревании (о злаках)' ("Кус даёт, краску приняла рожь. Осенью кус даёт. Колос сверху бывает" [II]).

Некоторые единицы исторического времени вновь могут функционировать и как континуумы, и как темпоральные вехи. Одним из ядерных маркеров данного уровня в среднеобских говорах является лексема *переворот* в значении 'Октябрьская социалистическая революция 1917 года' ("Она говорит, что в переворот я выходила [замуж]. Это было, когда белы-то шли всё" [VII]); "Дожили мы до переворота" [VII]). лексему *революция* словари начали фиксировать гораздо позже ("Браття его ешо до революции здесь жили" [VII]), еще реже встречаются в словарях фиксации слов *революционер* ("Про революционер не слыхали. Слуху не было" [VII]); *ревтрибунал* ("А ты знаешь, за лошадь было... Ревтрибунал судил. Такая борьба была, что ой-ей-ей!" [VII]). Вторым ядерным маркером данного среза темпоральности в сибирских старожильческих говорах является лексема *война* в значении 'Великая Отечественная война 1941–1945 гг.'. По количеству фиксаций в картотеках томских диалектных словарей это имя существительное выходит на уровень предлогов и союзов, что косвенно свидетельствует о значимости номинируемого исторического события. Для носителей традиционной культуры Великая Отечественная война стала едва ли не главной темпоральной вехой, делящей судьбу всякого пережившего военное лихолетье на три континуума [15] (Сорок пять человек не вернулось с войны в

деревню; Как объявили войну, на двух машинах здесь-ка повезли; В войну известно как жили: работали, траву ели [VII]). Кроме того, можно привести менее частотные единицы при той жизни 'при царской власти' ("Отец мой уж русский. Раньше ясины мы писались. При этой жизни нас брали в армию, а нас уж никуда не брали при той жизни" [V]); при старом време 'при царском режиме' ("При старом време торговал" [V]).

Что касается социального уровня темпоральности, то словарный состав диалекта объективирует гораздо более сложное его устройство [16]. Так, единицы лексики, связанные с ним, входят в несколько семантических полей, например, "брак" (девка, вдовуха, мужик, разжеся, холостёжь), "трудовая деятельность" (пахарь, стряпца, подёщица, строк), "возраст" (сарынь, старей, в маленьком виде). Единицы последнего поля следует представить более подробно: они связаны с теми видами социальных состояний, которые в рамках традиционной культуры не имеют исключений. Здесь наиболее сильно влияние изменений, произошедших в России в XX в., поскольку такими вновь возникшими состояниями в традиционной культуре стали те, которые связаны с обязательным средним образованием, а также с возможностью ухода с работы при достижении определенного возраста. Следовательно, единицы *школа* и особенно *пенсия* по функции сближаются с подвижными (относительными) маркерами физического времени. (Ср.: "Она в годи вошла - ну, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, созрела. Поумнела. Была дурочка, а теперь поумнела" [VII]; "Из годов вышла - на пенсию пошла, уже списанный человек. С военного учёта снятый - говорят всё, "из годов вышел" [VII]; "Так как я вышел из годов и накопил сена двадцать шесть центнеров. Прошу это сено мне отдать (д. бум.)" [VII]; "Я косить не стала, мать, потому что не года: семьдесят первый пошёл" [VII]; "Он счас имеет годы" [V]).

Помимо этого, представляется важным выделить неизоморфный уровень темпоральности - культурное время [11, 17]. Оно связано с уже упоминавшейся оппозицией профанного и сакрального, возникшей на самых ранних стадиях культурогенеза. Диалектная лексика объективирует теснейшую связь данного уровня темпоральности с православием, которое пронизывало традиционную культуру России. В настоящее время подобная темпоральность ушла из активной традиции среднеобских деревень: "Вот как придет праздник Петров день. Ой! Все нарядны: и старый, и малый. Везде по завалянкам сидят, как маки цветут" [VIII]; "А то в церкву ездили на Христов день" [VII]; "В Троицу, в четверг, идут сенки завивать с гармоньей, с песнями" [V].

С одной стороны, целостная система православных сакральных периодов уже разрушена, но, с другой стороны, определенным эквивалентом стали праздники советской эпохи: "Я Восьмого марта частушки пела" [VII]; "Миру было поще на могилкав! Немыслимо. Около кладбища все машины, машины - родительский день совпало и День Победы" [VII]; "Всё сгорело. А это как раз дело было перед Первым маем" [VII]. При этом и некоторые советские праздники переживают период забвения: "Первы года в май гуляли, теперь нет" [VII]. Однако в сибирских старожильческих говорах еще до недавнего времени названия христианских праздников функциони-

ровали в качестве темпоральных вех: "На Петров день мы и поженились. Пообнимались хорошо с баушкой, поцеловались. Ломалась она, не шла. Я её уговорил" [VI]; "Мужа-то схоронила в Миколу. А потом приняла в дом другого. Он стал, лешак, пить, я его и погнала" [VI]; "Дохнется Парабель в Николу. Парабель кожный год дохнется. Обь не дохнется кожный год" [VIII]; "Со Сдвиженья зима ранние года, с Покрова зима падает" [VI]; "Восенью свадьба была в Михайлов день. За мной приезжали оттуда. Мы жили у етом краю, а пошла у тот край: "Поехала берёза со двора". Свадебные песни кричали [V]. Вероятно, деформированная традиция сохранила и те из них, которые были связаны с какими-либо хозяйственными работами или нуждами: "Выставлять окошки надо после Егорья – шестого мая" [VII];

"Паужин – в день третья еда. А с Семёнова дня, когда журавли улетают, паужина нет" [VII]; "Нонче огурчиков даже нет, прошлый год были в Петров день" [VII]. Вновь аналогом являются номинации советских сакральных дат: "И вот уже ноябрь, когда трактора поставишь на ремонт, как обычно всегда мы где-то после Октябрьской" [VII].

Диалектный язык манифестирует духовную, социальную и материальную культуру крестьянских общин. Даже традиционные диалектные словари представляют собой уникальное собрание интерпретационных схем традиционной культуры, а задача современного этапа отечественной диалектологии – изучение национальной картины мира, объективируемой говорами, и создание диалектных словарей лингвокультурологического типа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Начиная с классических работ XIX в., отечественные исследователи рассматривали диалект как территориально ограниченную форму крестьянской речи. Однако в XX в. в более широком понимании, например у Е.Д. Поливанова, В.М. Жирмунского и др., диалект выступает и как социально ограниченная форма языка.

2. Из корпуса примеров В.И. Даля здесь приводятся только те лексемы, которые до сих пор существуют в среднеобских старожиловских говорах, хотя бы как формальные варианты, например: *погода* и *перенов, переновки*.

3. Приведем его описание русских крестьян Ангарского края: «Продолжительное пребывание в состоянии почти полной изолированности (благодаря существованию одного лишь водного пути Ангарой) [7], а также очень слабое развитие школьного дела в крае – все это имело, конечно, и свои дурные последствия. Вся совокупность тяжелых условий жизни привела к тому, что сельскохозяйственная деятельность ангарцев, за малыми исключениями, словно застыла в первичных формах отсталой земледельческой культуры; нравы и обычаи у них до удивления архаичны; их духовная жизнь задержалась на низкой, сравнительно, ступени развития и полна суеверных предрассудков. Ангарцам, однако, нельзя не отдать должной похвалы за их удивительную выносливость и настойчивость в борьбе за существование в гиблом Ангарском крае, за необыкновенную терпеливость в горах по насаждению там земледельческой культуры и сохранение мужества в опасностях, связанных с зверопромышленностью в таежной глуши и с рыболовством в бурных порогах и шиверах Ангары. Они также гостеприимны, добродушны, любознательны и способны воспринять «жизнь здоровую» (цит. по переизданию 1993 г. [7]).

4. Работа построена на материале среднеобских говоров, однако нет никаких сомнений в том, что подобную картину объективируют все русские диалекты при некоторой разнице в корпусе темпоральной лексики.

ТОМСКИЕ СЛОВАРИ

I. (СРСГ) Словарь русских старожиловских говоров средней части бассейна р. Оби / Под ред. В.В. Палагиной. Т. 1–3. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964–1967.

II. (СРСГД) Словарь русских старожиловских говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение) / Под ред. О.И. Блиновой, В.В. Палагиной. Т. 1–2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975.

III. (СП) Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977.

IV. (МДС) Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего приобья / Под ред. О.И. Блиновой. Т. 1–2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982–1983.

V. (СС) Среднеобский словарь (Дополнение) / Под ред. В.В. Палагиной. Ч. 1–2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983–1986.

VI. (ПССГ) Полный словарь сибирского говора / Под ред. О.И. Блиновой. Т. 1–4. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992–1995.

VII. (ВС) Вершининский словарь / Под ред. О.И. Блиновой. Т. 1–7. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998–2002.

VIII. (СОС) Словарь образных слов и выражений народного говора / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинова О.И. Томская лингвистическая школа (взгляд изнутри и извне) // Вестн. Том. гос. ун-та. Гуманит. спец. вып. ист., филол. и культурол. ф-тов. 1998. Январь. № 266. С. 69–78.
2. Русские говоры Среднего Приобья. Ч. 1–2. Томск, 1984–1989.
3. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949.
4. Крысин Л.П. Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1.
6. Черных П.Я. Сибирские говоры. Иркутск, 1953.
7. Макаренко А.А. Сибирский народный календарь. Новосибирск, 1993.
8. Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири. Вып. I. Иркутск, 1921.
9. Пожарицкая С.К. Русская диалектология. М., 1997.
10. Сороколетов Ф.П. Семантическая структура слова в диалектном словаре // Вопросы изучения лексики русских народных говоров (Диалектная лексика). 1971. Л., 1971. С. 181–189.
11. Калиткина Г.В. Сакральное и профанное время в календарном круге: томские словари в лингвокультурологическом аспекте // Европейские исследования в Сибири. Томск, 2001. С. 234–246.
12. Калиткина Г.В., Банкова Т.Б. Традиционная культура русских старожилов Среднего Приобья в языковом коде (аспекты междисциплинарного исследования) // Межкультурная коммуникация: теория и практика. Томск, 2001. С. 120–132.
13. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени, восприятия. М., 1994.
14. Калиткина Г.В. Единицы бытового времени и их объективация в говоре // V Житниковские чтения: Межкультурные коммуникации в когнитивном аспекте. Челябинск, 2001. С. 228–237.
15. Калиткина Г.В. Культурно-специфическая единица 'война': к методологии описания // Актуальные проблемы русистики. Вып. 2. Томск, 2003. С. 156–167.
16. Калиткина Г.В. Стереотипы социального времени в традиционной культуре // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 4–5. Красноярск, 2003. С. 102–110.
17. Калиткина Г.В. Среднеобская диалектная лексика с темпоральным значением: концепт 'вечёрка' // Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты. Томск, 2001. С. 238–243.

Статья представлена кафедрой русского языка филологического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филология» 20 февраля 2004 г.